

ЛОКАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

¹Рагулина М.В.

¹ ФГБУН Институт географии им. В.Б.Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, г. Иркутск, Россия (664033, Иркутск, ул. Уланбаторская, д.1) e-mail: milanara@yandex.ru

В работе поставлена проблема взаимоотношений локальных сообществ и культурных ландшафтов. Выполнен обзор концептуальных основ культурного ландшафтоведения и географической локалистики на современном этапе. Специфика трансформаций локального сообщества рассмотрена в контексте культурного ландшафта как материальной, знаковой и ценностной среды. Локальные сообщества порождают внутренние процессы идентификации и принимают внешние стандарты включая и отторгая определенные аспекты социальной мифологии, политических событий, экономических практик, межкультурного обмена и пространственно-географических характеристик. Культурный ландшафт – носитель социальной и культурной памяти сообщества, отражает ценности и идентичности населяющих его людей. Основной упор сделан на поиск ресурсов формирования региональной идентичности в условиях информационного общества. Мы полагаем, что продуманные культурно-ландшафтные стратегии могут обусловить консолидацию и выбор здоровых траекторий развития локальных сообществ. При этом позитивная региональная идентичность членов сообщества становится одним из важнейших ресурсов сбалансированного территориального развития.

Ключевые слова: локальное сообщество, культурный ландшафт, устойчивое развитие, региональная идентичность

LOCAL COMMUNITY AND CULTURAL LANDSCAPE IN CONTEMPORARY WORLD

¹Ragulina M.V.

¹Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russia (664033, 1, Ulan-Batorskaya Street, 1), e-mail: milanara@yandex.ru

We have studied the relationship between local communities and cultural landscapes. We reviewed the conceptual foundations of the cultural landscape management and geographical localism. Specific fitsches of the local community transformations considered in the context of the cultural landscape. The impact of processes of globalization into the formation of the communities is shown. The local communities generate interior processes of identification and assume the exterior standards that are prescribed to them, by incorporating or refusing some aspects of social morphology, political events, economic practices, intercultural exchange and spatial-geographical characteristics. Cultural landscape is the carrier of social and cultural memory of the community. The identities and values of people populating it are reflected in it as in the mirror. The article argued that positive strategies can determine the consolidation and way healthy development of local communities. In this case, the positive regional identities of the community members are important resources of sustainable territorial development.

Keywords: local community, cultural landscape, sustainable development, regional identity

Введение

Глобализационные процессы современности побуждают обратиться к переоценке роли культурного ландшафта в формировании территориальной идентичности локальных сообществ. Уже в 1970-е гг. зарубежные географы пытались предвидеть последствия экономической и культурной трансформации мира. Показательно название одной из программных работ этого направления: «Место и безместье» [11]. С этого времени основными темами локалистских исследований становятся территория, сообщество людей, время, приватность, значимость семейных корней, дом, чувство места (sense of place). Антоним «безместье» маркирует негативные последствия глобализации и унификации мира.

Широкое распространение средств массовой коммуникации, коммерциализация жизни, централизация власти и «большого бизнеса» способствуют редукции разнообразия и значения конкретных мест, отрывая человека от его «корневой системы» [11].

Линия негативного отношения к процессам глобализации продолжается в более поздних работах: «Уже к 1990-м гг. стало ясно, что особый, «американский» вид места, совмещающий жизненные стили людей и паттерны их поселений, сходит на нет... наше будущее ставится под вопрос, наши жизни подвергаются вызову, наши поселения подвергаются инспекции сурового нового мирового порядка» [7].

Важность исследований сообщества и ландшафта на локальном уровне обусловлена также и тем, что реальность повседневности, помимо символического аспекта, сенсорно воспринимается человеком с помощью визуальной, аудиальной, кинестетической и других модальностей опыта, и передается через символы, знаки, концепции. В конструктивистской трактовке (место как ментальный конструкт опыта) зародилось ядро концепции локальной, укорененной в месте идентичности.

Постмодернистское исследование топологических проблем охватывает два диаметрально противоположных аспекта – первый, сконцентрированный на различиях и своеобразии конкретных мест и сообществ, и второй, интерпретирующий современность как мозаики (сети) виртуальных локусов.

В настоящее время, когда глобализационные волны развития достигают самых отдаленных уголков Земли, изменения роли культурного ландшафта в жизни локальных сообществ не могут трактоваться только в алармистском ключе. Их изучение – актуальная задача современной культурной географии.

Культурный ландшафт и локальное сообщество: ключевые концепты

Концептуализация локального сообщества в американской географии центрирована на трех основных аспектах: во-первых, это набор социальных отношений, во-вторых, группа людей и, в третьих, воплощения социальных отношений в конкретном месте, представляющем территориальный референт социальной и культурной специфики группы [6]. Локальное сообщество, или локэйл – в трактовке Э. Гидденса, выражает сопряженность конкретного природного ареала с пространством социального взаимодействия населяющей его группы людей [8]. Это базовая составляющая социо-природного взаимодействия. Социологи и географы в настоящее время фокусируются на качественной специфике локальных сообществ [1, 4].

В отечественной географии территориальная общность – «локализованная в социально-географическом пространстве группа людей, тесно связанная множеством территориально опосредованных социальных, экономических, политических и духовных

отношений» [5]. Понятие «локальное сообщество» является одним из важнейших маркеров дефиниции культурного ландшафта у В.Н. Калуцкова: под ним понимается целостная культура местного сообщества, сформировавшаяся как результат жизнедеятельности в определенных природных условиях [2].

К. Олвиг [10] отмечает историческую сопряженность термина «ландшафт» и целей жизни сообщества со времен средневековой Европы: ландшафт характеризуется принадлежностью сообществу настолько, насколько участвует в формировании традиций землепользования, менталитета и жизнеобеспечения группы. В настоящее время спектр трактовок культурного ландшафта фокусируется на материальном облике, социальном значении, культурных смыслах. Зарубежные концепции культурного ландшафта ориентированы на объяснение отношений между группами людей и природной / рукотворной средой, при этом расположение в географическом пространстве является центральным. В концепциях культурного ландшафта преодолеваются социальные, идеологические, культурные противоречия разных групп, корпораций, государств, дискурсивных сообществ. К началу XXI в. в исследовании культурных ландшафтов усилилось стремление к синтезу: «ландшафты содержат и природные и культурные размерности. Они многомерны, мультифункциональны и должны расцениваться как холистические динамические системы, которые состоят из взаимодействующих геосферы, ноосферы и биосферы. Эти размерности равнозначны. Взаимная зависимость человеческих сообществ и ландшафта – наиболее важный связующий фактор между естественными и гуманитарными науками» [12]. Д. Митчелл утверждает, что культурные ландшафты, окружающие нас, – результат борьбы, компромиссов и конфликтов. Эти ландшафты буквально сформированы «культурными войнами», где сталкиваются идентичности и ценности социальных классов и групп. Следовательно, ландшафт должен рассматриваться не как объект либо сумма объектов, а как процесс, с помощью которого формируются социальные и субъективные идентичности. Он не просто обозначает или символизирует отношения власти, он сам является инструментом культурной власти независимо от намерений людей [9]. С позиций активной роли культурного ландшафта в жизни локального сообщества рассмотрим основные аспекты трансформации их отношений.

Новые функции культурного ландшафта в жизни локальных сообществ

Современная эпоха отличается усложнением структуры и расширением спектра социальных связей. Фактически люди объединены несколькими, относительно независимыми друг от друга социальными, коммуникативными, экономическими и политическими сетями. «Величина ячеек» этих сетей соотносится с выполняемыми ими в обществе функциями, развитием технологической стороны, облегчающей взаимодействие,

их новой культурной ролью в мировоззрении современного общества и ценностью в опыте личности.

Ключевая проблема связи культурного ландшафта и локального сообщества – конфликт значений ландшафта для тех, кто его населяет, и тех, кто им управляет. Грани этого конфликта – неравномерное распределение полномочий в управлении между локальными и удаленными акторами и различными стратами сообщества. Акцент на многообразных и конфликтующих значениях культурного ландшафта уже вошел в практику европейского ландшафтного менеджмента. Управленческие подходы прошлого фокусировались на четком разграничении функций ландшафта, как культурного/ исторического или природного. Теперь многозначность и полифункциональность культурного ландшафта требует стратегий, направленных на сохранение пространственных смыслов, свойственных локальным сообществам.

Стремительно уходит в прошлое традиционная культура, замещаясь масс-культурными практиками. Непосредственная передача традиций, «запечатление» их в культурном ландшафте локальной группы сменяется символизацией в медиапространстве. Неизбежно усиление влияния «удаленных сфер» – политической, экономической и культурной в формировании облика территории. Так, часто территориальное развитие планируется акторами, не принадлежащими локальному сообществу, не владеющими символикой и семантикой его ландшафта, знаниями о среде. Опора на технологии позволяет преодолеть природно-специфичные черты ареала и игнорировать его культурную специфику.

Планирование и проектирование жилой среды сообщества «людьми из Центра» в настоящее время – общая тенденция не только в России, но и в Европе. Французский географ Поль Клаваль отмечает, что такие ландшафты уничтожают жилую память местных людей, даже если они хорошо технически организованы [3]. С усилением данной тенденции количество облеченных властью изменять ландшафт, но не принадлежащих ему акторов будет расти, как следствие распространения средств связи, облегчения информационного обмена и мобильности. Глобализация предполагает, что «далекое» становится «близким», и принять решение по поводу удаленных локусов также легко, как и по поводу ближних. Дело в обладании необходимой степенью политической, экономической, культурной власти. Здесь возникает вопрос о ценностях и морали: если с точки зрения этноцентризма планирование развития «не своего» места чревато последствиями пренебрежения локальным опытом, то с глобалистских позиций мироцентризма такие решения могут быть более взвешенными, менее конфликтными, с учетом баланса интересов членов социума.

Усложнение социальных, информационных связей в большинстве постиндустриальных стран выражается в низкой политической активности людей, которые не ощущают себя ответственными за жизнь своей земли, поскольку не в состоянии повлиять на пути ее развития. Политическое сознание в некотором смысле связано с единством интересов. Социальная идентичность – выражение, отражение и функция суммы социальных связей. В традиционном обществе социальная идентичность территориальна, слита с ландшафтом, локализована и сочетается с патриотической доктриной этноцентризма. В постиндустриальном обществе слабеет предметная территориальность и формируются виртуальные сети социальных связей. Восприятие культурного ландшафта как фундаментальной природной и социальной единицы обуславливало силу социальной идентичности, ее территориальную укорененность в традиционных сообществах [10].

В условиях глобализации роль культурного ландшафта предполагает построение новой модели территориальной идентичности локального сообщества. Она включает восприимчивость к ландшафту при более глубоком понимании реальности современных экологических угроз. Обновленная модель идентичности локального сообщества видится вписанной в межтерриториальный и транснациональный контекст, но в то же время связанной с исторической памятью своего культурного ландшафта. Поскольку культурный ландшафт сообщества обладает сильной притягательностью для его членов вследствие своей экологической сложности, продуктивности, насыщенности символическими значениями и воплощенными ценностями, он сможет стать полезным инструментом создания современной идентичности и успешным средством реализации стратегии устойчивого развития [3].

Помимо конструирования позитивной территориальной идентичности «снизу» с помощью исторической памяти, консолидации сообщества на основе общей цели жизни в ландшафте, важная роль принадлежит регламентации землепользования и охране культурного наследия. Сочетание глобального и локального проявляется в повышении роли международных соглашений, регулирующих экологические риски. Как отмечает П. Клаваль, законы и регламенты – основное орудие, с помощью которого центр и регион контролирует и направляет эволюцию ландшафта, сохраняя его экосистемы, стимулируя продуктивное использование, поддерживая визуальную содержательность и привлекательность, запечатленную память и идентичности [3].

Таким образом, эпоха глобализации характеризуется коррозией системы территориальной иерархии в управлении локальным сообществом и его культурным ландшафтом. Экстерриториальные, не строго иерархизированные формы воздействия расширяются и наращивают свой потенциал. При этом структура политики управления ландшафтом сочетает территориальные и экстерриториальные процессы, которые совместно

центрированы на обмене информацией, культурной инноватике, экономических трансформациях, потребительской субкультуре и социально – информационных сетях.

Таким образом, успешное развитие локального сообщества в гармонии со своим культурным ландшафтом предполагает учет новых условий. Это, прежде всего, изменение структуры коммуникаций, рост количества информации, ее доступность практически в любой точке планеты. Столичные центры стремительно теряют преимущества информационных концентраторов. В этом контексте трудно управлять людьми, дозируя информацию, прямое директивное управление должно быть дополнено экономическим и социокультурным сотрудничеством с населением локальных сообществ. Только в продуктивной встрече инициатив «сверху» и «снизу», в обстановке консенсуса граждан и власти возможно устойчивое развитие локальных сообществ. Новые установки относительно локальных сообществ и культурных ландшафтов опираются на сотрудничество, а не форсирование административных интересов. Такой подход может «пробудить» региональное и локальное самосознание граждан, стимулировать их активную и ответственную позицию по отношению к своему культурному ландшафту.

Список литературы

1. Добрякова М.С. Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социологические исследования. — 1999. - № 7. — С. 125–133.
2. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. — М.: Новый Хронограф, 2008.
3. Клаваль П. Новые стратегии управления ландшафтами и укрепления идентичности как инструмент устойчивого развития // Экология культуры: Информационный бюллетень. — 2009. - № 3 (49). — С. 52–53.
4. Куклина В.В. Локальные сообщества Южной Сибири в полиэтничной среде: культурно-географический срез. — Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2006.
5. Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Теория организации пространства. Сообщ. II. Социально-географическое пространство и территория // Изв. РГО. — 1993. — Т. 125. Вып. 3. — С. 9–17.
6. Bender T. Community and social change in America. — Baltimore: John Hopkins University Press, 1978.
7. Clay G. Real Places: an unconventional guide to America's generic landscape. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
8. Giddens A. Time, space and regionalisation / Social relations and spatial structures, D. Gregory and J. Urry eds. — London: St Martins Press, 1985. — P. 531–533.

9. Mitchell D. Cultural geography. A critical introduction. — Oxford: Blackwell, 2001
10. Olwig K. Representation and alienation in the political landscape //Cultural Geographies. — 2005. Vol. 12. – P. 19 –40.
11. Relph T. Place and placelessness. —London: Pion ltd, 1976.
12. Tress B., Tress G., Decamps H. Bridging human and nature sciences in landscape research // Landscape and Urban Planning. — 2001. Vol.57. – P. 139-151.

Рецензенты:

Корытный Л.М., д.г.н., профессор, заместитель директора по науке ФГБУН Институт географии им. В.Б.Сочавы СО РАН, г. Иркутск.

Безруков Л.А., д.г.н., заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии ФГБУН Институт географии им. В.Б.Сочавы СО РАН, г. Иркутск.